

[Рец. на: / Review of:] **M. FORTESCUE, M. MITHUN, N. EVANS (eds.). *The Oxford handbook of polysynthesis***. Oxford: Oxford University Press, 2017. xvi + 1070 p. ISBN 978-0-19-968320-8.

Пётр Михайлович Аркадьев

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
alpgurev@gmail.com

Peter M. Arkadiev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
alpgurev@gmail.com

Благодарности: В рецензии используются результаты исследований, выполненных при поддержке гранта РФФИ № 17-04-00444. Я благодарю Д. М. Зеленского, А. Муро и М. Хаспельмата за ценные замечания к первоначальному тексту рецензии. Никто из указанных коллег не несет ответственности за взгляды и оценки, высказанные в рецензии.

DOI: 10.31857/S0373658X0008785-2

Значительная часть вышедших к настоящему моменту энциклопедий по лингвистике, публикуемых издательством Oxford University Press (за примерно пятнадцать лет вышло уже около полусотни томов, некоторые вторым изданием) посвящены либо крупным разделам теории языка (например, прагматике или лексикографии), либо конкретным направлениям языкознания (например, минимализму или грамматике конструкций), либо предположительно универсальным языковым явлениям (например, словообразованию или информационной структуре). Рецензируемая тысячестраничная энциклопедия стоит в этом ряду особняком даже на фоне таких организованных по сходным принципам компендиумов, как [Malchukov, Spencer (eds.) 2009] о падеже или [Coon et al. (eds.) 2017] об эргативности — явлениях, заведомо неуниверсальных и представленных лишь в меньшинстве языков мира. Особенность энциклопедии полисинтетизма состоит не только в том, что это первое за двухсотлетнюю историю данного понятия издание такого рода, но в первую очередь в том, что даже среди тех лингвистов, кто работает с полисинтетическими языками, нет согласия относительно определения этого понятия и о единой природе самого явления полисинтетизма (об этом см. недавнюю обзорную статью [Ландер 2011]).

Термин «полисинтетизм», введенный впервые в работе [Duponseau 1819], большинство лингвистов слышат в составе словосочетания «полисинтетические языки» во вводных университетских курсах и ассоциируют с «экзотикой» вроде чукотского или эскимосских языков, в которых в рамках «очень длинного слова» можно выразить то, что в более привычных европейцу языках соответствует целому предложению. Путь от такого рода смутных ассоциаций до научного анализа, однако, весьма тернист, поскольку, с одной стороны, в грамматической организации тех же чукотско-камчатских и эскимосских языков при ближайшем рассмотрении обнаруживается мало общего, ср. примеры (1) и (2), а, с другой стороны, «очень длинные слова», способные функционировать как целые пространственные предложения, легко обнаружить и в некоторых европейских языках, никогда не причислявшихся к полисинтетическим, ср. пример (3).

(1) чукотский [Dunn 1999: 228] (глоссирование адаптировано)

n-ena-γətka-mla-tko-jwə-qenat

НАВ-TR-нога-ломать-ITER-INTS-3PL.OBJ

‘Он ломал им ноги’.

- (2) ЦЕНТРАЛЬНО-АЛЯСКИНСКИЙ ЮПИК [Miyaoaka 2012: 1094] (гlossирование адаптировано)
nataqe-ngnaq-uc-aaqe-rraar-lutek
 найти-пытаться-APPL-НО-после-SBD.3DU
 ‘Они двое некоторое время пытались найти друг друга, но...’
- (3) ЛИТОВСКИЙ [Nau, Arkadiev 2015: 219]
ne-be-su-si-skamb-in-dav-o-me
 NEG-CNT-PVB-RFL-звенеть-CAUS-НАВ-PST-1PL
 ‘Мы больше не созванивались’.

Тем самым задача, стоявшая перед редакторами и авторами энциклопедии полисинтезизма, состояла не только и даже не столько в том, чтобы одновременно кратко и полно изложить всё основное, чего достигла лингвистика в изучении соответствующей предметной области (например, *ad usum docentis*), сколько в том, чтобы очертить и осмыслить эту предметную область и, более того, доказать, что само рассмотрение множества различных языков и явлений в рамках понятия «полисинтезизм» (и, следовательно, под одной обложкой) вообще имеет смысл¹. Забегая вперед, скажу, что, по моему мнению, сложившемуся в результате внимательного прочтения всей этой немалой и непростой книги, эта задача в основном была выполнена успешно, — что само по себе можно считать важным научным достижением.

Книга состоит из введения, пяти больших частей, библиографии и указателей. Первая часть называется «Природа полисинтезизма» (“The nature of polysynthesis”) и содержит десять глав, посвященных различным теоретическим вопросам, так или иначе связанным с определением полисинтезизма и его основными свойствами и проявлениями: языковой сложности (Э. Даль), способам кодирования актантов (М. Митун), вершинному маркированию (Дж. Николз), проблеме «слова» в грамматическом (Б. Бикель и Ф. Суньига) и лексикографическом (Л.-Ж. Доре) аспектах, фразеологизации (С. Райс), возможным пределам полисинтезизма (М. Фортезкью), классификации типов полисинтетической организации (Й. Маттиссен), субъективности понятия «полисинтезизм» (Дж. Сэйдок) и антропологическим условиям возникновения, сохранения и утраты полисинтетических черт (П. Градгил). Не имея возможности рассматривать каждую из статей в отдельности, остановлюсь на наиболее значимых аспектах некоторых из них.

Начну с определений полисинтезизма, которые неоднократно встречаются на страницах книги (замечу, что редакторы тома в своем содержательном введении от четких определений воздерживаются, очевидно, для того, чтобы не влиять на авторов). Приведу три наиболее лапидарных из них:

«Языки являются полисинтетическими, если они обладают сложными многоморфемными глагольными формами, обязательно включающими продуктивные некорневые морфемы с лексическими и грамматическими значениями, в особенности пространственными, и факультативно допускают сочетание в глагольной форме нескольких лексических корней»² (Й. Маттиссен, “Sub-types of polysynthesis”, с. 72).

«Чтобы быть признанным ядерным полисинтетическим, язык должен демонстрировать голофразис (т. е. быть способным выразить целую клаузу — включая все ядерные местоименные актанты — в составе одного слова) и допускать более одной

¹ Ср. формулировку редакторов во введении (с. 1): “A major purpose of this volume is to explore the extent to which polysynthesis constitutes a clear type with specific necessary and sufficient characteristics, and whether it might have predictive value in accounting for clusterings of typological features”.

² “Languages qualify as polysynthetic if they have complex, polymorphemic verbal units which necessarily integrate productively non-root bound morphemes with ‘lexical’ and grammatical meanings, especially local ones, and optionally allow concatenation of lexical roots within a verbal wordform”.

«семантически насыщенной» морфемы, корневой или аффиксальной, в составе такой голофрастической глагольной формы»³ (М. Фортескую, “What are the limits of polysynthesis”, с. 122).

«Я определяю полисинтетический язык как такой, в котором глаголы демонстрируют одновременно вершинное маркирование [Nichols 1986] и инкорпорацию путем формального процесса синтеза вершины с зависимым [Mattissen 2003]»⁴ (У. Фоли, “The polysynthetic profile of Yimas, a language of New Guinea”, с. 808).

Наиболее четким и одновременно рестриктивным является определение У. Фоли, в определенной степени отсылающее к пониманию полисинтетизма в генеративной грамматике, разработанному в книге [Baker 1996]; отмечу, правда, что в отличие от М. Бейкера, требующего продуктивной инкорпорации актантов в состав глагола, У. Фоли достаточно, чтобы инкорпорировались обстоятельства или глагольные корни, как собственно в языке йимас. Такое понимание полисинтетизма с неизбежностью опирается на то или иное определение инкорпорации, причем если последняя непременно должна быть синтаксическим процессом интеграции (возможно, факультативной) в состав глагола каких-либо его зависимых, то из числа полисинтетических тем самым автоматически исключается целый ряд языков без инкорпорации в таком понимании, в том числе традиционно считающиеся чуть ли не прототипически полисинтетическими эскимосские.

С другой стороны, определение Й. Маттиссен, фактически сводящее полисинтетизм к одному довольно расплывчатому признаку (включение в состав глагола продуктивных некорневых морфем), при буквальном понимании оказывается явно слишком широким (например, остается не до конца ясным, почему под это определение не подпадает проиллюстрированный примером (3) литовский язык, см. также ниже). Бросается в глаза отсутствие упоминания в этом определении одного из признаков, который в двух других определениях является обязательным, — полиперсонализма или вершинного маркирования⁵, т. е. выражения в составе глагола с помощью местоименных аффиксов информации об основных участниках ситуации. Объясняется исключение полиперсонализма из определения Й. Маттиссен, как кажется, отсутствием развитого вершинного маркирования в том языке, которым немецкая исследовательница занималась больше всего и на материале которого она предложила понятие синтеза вершины и зависимого (*dependent-head synthesis*), — в нивхском (см. соответствующую главу в пятой части сборника).

Ближе всего к наиболее распространенному пониманию полисинтетизма, пожалуй, определение М. Фортескую, требующее, с одной стороны, полиперсонализма и, с другой, «семантически насыщенных» единиц (выражающих довольно конкретные значения, близкие к лексическим) в составе глагола и допускающее инкорпорацию как один из возможных, но не обязательных способов включения таких «семантически насыщенных» единиц в глагол. Под это определение подпадают и эскимосские языки, специалистом по которым является сам Фортескую, и йимас, однако, видимо, не нивхский — недаром в списке «ядерных полисинтетических» языков, приведенном в приложении к статье Фортескую (с. 132–134), нивхский дан под вопросом (см. также его обсуждение на с. 125).

Такое подробное обсуждение нескольких избранных определений полисинтетизма, как кажется, наглядно демонстрирует отсутствие консенсуса между исследователями, проистекающее из существенных структурных различий между языками, находящимися в фокусе

³ “To qualify as core polysynthetic a language must display holophrasis (i.e. be able to represent a whole clause — including all bound core pronominals — by a single word) *and* must allow more than one lexically ‘heavy’ morpheme within the holophrastic verb, whether it be lexical or affixal”.

⁴ “I define a polysynthetic language as one whose verbs exhibit both head marking (Nichols 1986) and incorporation through a formal process of dependent-head synthesis (Mattissen 2003)”.

⁵ Употребление в статьях У. Фоли этих терминов как обозначающих независимые друг от друга явления остается мне не до конца ясным и кажется не вполне корректным.

их внимания. Очевидно, что любое определение полисинтетизма на основании ряда необходимых и достаточных признаков приводит к исключению из экстенционала этого понятия целого ряда релевантных языков. Это означает, во-первых, что сами понятия «полисинтетизм» и «полисинтетический язык» являются нечеткими и содержат ядро и периферию (что наглядно подтверждается и формулировкой М. Фортеस्कью о «ядерных полисинтетических языках», и неоднократно встречающимися на страницах книги пассажами о градуальности полисинтетизма, о «слегка полисинтетических» (*mildly polysynthetic*) языках, или следующей цитатой из статьи Р. Нордлингер о языках региона Дейли-Ривер в Австралии (с. 783): «[М]ы обнаруживаем в языках региона континуум полисинтетических характеристик и, в зависимости от того, какие характеристики выбираются в качестве определяющих полисинтетизм, мы можем считать все эти языки полисинтетическими, неполисинтетическими или лежащими где-то посередине»⁶), и, во-вторых, что необходима более дробная структурная классификация полисинтетических языков, каждый подтип которых может обладать признаками, весьма существенно отличающими его от других.

Такую классификацию полисинтетических (в ее понимании) языков предлагает как раз Й. Маттиссен в главе «Подтипы полисинтетизма» (с. 70–98), на которой я считаю важным остановиться подробнее. Маттиссен предлагает три структурных параметра классификации⁷:

1. Словообразовательный тип (“word-formational type”), по которому противопоставляются языки аффиксальные (*affixal*), допускающие лишь один корень в составе глагольной словоформы и использующие «семантически насыщенные» аффиксы, и композитальные (*compositional*), допускающие сочетание в одном слове нескольких корней; к аффиксальному типу относятся, например, эскимосские языки, а к композитальному — чукотско-камчатские. Выделяются также языки промежуточного типа, в которых инкорпорация или корнесложение непродуктивны (например, язык кламат). В рамках композитального типа выделяются несколько подтипов в зависимости от того, допускает ли язык именную инкорпорацию, сериализацию глагольных корней или и то и другое. (Отмечу в скобках, что граница между инкорпорацией и «лексическими аффиксами» не всегда очевидна; так, применительно к эскимосским языкам одни авторы пишут о «вербализующих суффиксах», присоединяющихся к именным корням, а другие описывают те же явления как именную инкорпорацию.)

2. Внутренняя организация полисинтетической словоформы (“internal organization”), где выделяются тип с порядковой (*templatic*) организацией, в которой элементы следуют фиксированному шаблону, не выходящему из их семантики (например, аффиксальные атабаскские языки и композитальный наутль), тип с уровневой (*scope-ordered*) организацией, в которой элементы присоединяются в соответствии со своей семантической сферой действия (например, аффиксальные эскимосские и композитальный ягуа), и несколько промежуточных типов, в которых разные зоны словоформы подчиняются разным принципам (один из ярких примеров организации такого рода демонстрируют абхазо-адыгские языки, см., например, [Lander 2016] об адыгейском).

3. Кодирование актантов (“participant encoding”): полиперсонализм (выражение в глаголе как минимум двух участников), моноперсонализм (выражение в глаголе одного участника) и аперсонализм (участники в глаголе не выражаются). Несмотря на то, что большая часть языков, оказывающихся полисинтетическими по определению Маттиссен, относятся к полиперсональному типу, среди них есть и моноперсональные языки (например,

⁶ “[W]hat we find is a continuum of polysynthetic characteristics across the languages of the region and, depending on the characteristic(s) taken to be criterial for polysynthesis, we may either consider all of them to be polysynthetic, none of them to be polysynthetic, or something in between”.

⁷ Четвертый параметр, выделяемый Маттиссен, имеет отношение уже не к структурным особенностям полисинтетических языков, а к гипотетическим путям их возникновения (“evolutionary path”); я оставляю его за скобками настоящего рассмотрения, поскольку это и ряд других предположений Маттиссен кажутся мне более спекулятивными.

за главой Й. Маттиссен короткую статью Дж. Сэйдока “The subjectivity of the notion of polysynthesis”, где он показывает на материале параллельных текстов Библии, что с точки зрения среднего числа морфем в слове древнееврейский язык даже опережает эскимосский язык калааллисут.)

Интересный критерий полисинтетизма предлагает Дж. Николз (“Polysynthesis and head marking”, с. 62–66). В отличие от языков с «обычным» полиперсонализмом (напомню, что по данным [Siewierska 2005], индексирование в переходном глаголе обоих ядерных участников — норма для языков мира), полисинтетические языки, согласно Дж. Николзу, допускают индексирование участников, не входящих в исходную модель управления предиката, например, участников с ролями бенефицианта, места и т. п., причем не вместо одного из исходных актантов, а в дополнение к ним. Ярким примером такого рода служат западнокавказские языки (именно их в этой связи больше всего обсуждает Николз), где в глагол может встраиваться в принципе неограниченное число семантически подчас весьма специализированных аппликативных превербов, вводящих актанты с синтаксической ролью непрямого объекта, ср. адыгейский пример (6), в котором полужирным выделен аппликативный комплекс бенефактива (‘для тебя’), свободно добавляющийся в переходный двухместный глагол ‘просить’, обязательный второй участник которого выражен «дативным» превербом:

- (6) адыгейский [Ландер 2015: 10]
the-m sə-p-f-je-λeʔ^wə-n
 Бог-OBL 1SG.ABS-2SG.IO-BEN-3SG.IO+DAT-просить-MOD
 ‘Я попрошу Бога для тебя’.

Такое «свободное» вершинное маркирование явно отличается от полиперсонализма таких языков, как баскский или грузинский, где число индексированных актантов и их добавление строго ограничены. Тем не менее, данный признак вряд ли можно включить в определение прототипического полисинтетизма из-за его рестриктивности: «свободное» вершинное маркирование не встречается в таких несомненно полисинтетических по всем другим признакам языках, как эскимосские, чукотско-камчатские или гуньвингу, — в них во всех на добавление и индексирование участников накладываются ограничения, сходные с представленными, например, в картвельских языках. Напротив, индексирование неядерных аргументов допускается во многих языках, которые обычно не рассматриваются как полисинтетические; например, в уже упоминавшемся выше македонском клитика непрямого объекта может отсылать к зависимому предлога, ср. пример (7). Аналогичным образом, несмотря на то, что языки банту к полисинтетическим причислять не принято, в некоторых из них «свободное» вершинное маркирование приводит к возникновению форм с рекордным числом индексированных участников, ср. пример (8).

- (7) македонский [Lunt 1952: 110]
и=му=ја=фрли-л *пред=магаре-то*
 и=3SG.M.IO=3SG.F.DO=бросить-PAR[SG.M] *перед=осел-DEF.SG.N*
 ‘и бросил ее [траву] перед ослом’

- (8) киньяруанда [Marlo 2015: 4], глоссирование адаптировано
umugoré a-ra-na-ha-ki-zi-ba-ku-n-som-eef-eef-er-er-ez-a
 женщина 1-PRS-тоже-xvi-vii-x-ii-2sg-1sg-читать-CAUS-CAUS-APPL-APPL-IND
 ‘Женщина (I класс) тоже заставляет их (II класс) читать ее (книгу, VII класс) тебе с их (очки, X класс) помощью для меня там (в доме, XVI класс)’.

Отличие форм типа (8) в киньяруанда от их гипотетических переводов на западнокавказские языки состоит в том, что в последних каждый из новых участников был бы введен с помощью семантически специализированного аппликативного префикса, которые тем самым законно трактовать как «семантически насыщенные», в отличие от почти

десемантизированного аппликативного суффикса в языках банту (о котором см., например, недавнюю фундаментальную работу [Pacchiarotti 2017]).

Резюмируя, приведу основные перечисленные выше признаки полисинтетизма:

- (i) полиперсонализм: обязательная индексация как минимум двух актантов (А и Р переходного глагола);
- (ii) продуктивные «семантически насыщенные» аффиксы с пространственными, инструментальными и адвербиальными значениями;
- (iii) продуктивное вершинное маркирование необязательных участников;
- (iv) инкорпорация актантов;
- (v) инкорпорация обстоятельств;
- (vi) продуктивное глагольное корнесложение.

Первые два признака я, вслед за М. Фортестью, считаю необходимыми. В таблице ниже указано, как эти признаки реализуются в некоторых языках (ср. Введение, с. 12–13 и особенно таблицу на с. 358 в статье У. Фоли “Polysynthesis in New Guinea”) — как традиционно причисляемых к полисинтетическим, так и в ряде других (под двойной чертой).

Таблица

Признаки полисинтетических языков

	(i)	(ii)	(iii)	(iv)	(v)	(vi)
эскимосские	+	+	–	–	–	–
чукотские	+	+	–	+	+	+
атабаскские	+	+	+	+	–	–
западнокавказские	+	+	+	–	–	(+)
йимас	+	+	–	–	+	+
далабон	+	+	–	+	+	+
нивхский	(–)	–	–	+	–	+
кламат	–	+	–	–	–	(+)
киньюранда	+	–	+	–	–	–
грузинский	+	(+)	–	–	–	–
македонский	(+)	(+)	(+)	–	–	–
литовский	–	(+)	–	–	–	–
японский	–	–	–	–	–	+
баскский	+	–	–	–	–	–

Обратимся теперь к некоторым другим вопросам, поднимаемым в книге. Основной темой статьи М. Фортестью “The limits of polysynthesis” является не столько подробно обсуждавшееся выше определение полисинтетизма, сколько гипотеза о том, что в рамках полисинтетического «слова-предложения» может быть выражено единственное «макрособытие» (macro-event, с. 119–122). «Макрособытие», согласно работам [Talmy 2000; Bohnemeyer et al. 2011; Bohnemeyer, Van Valin 2017], — ситуация, потенциально состоящая из нескольких отдельных подсобытий, связанных между собою отношениями каузации или модификации, обладающая едиными пространственно-временными координатами и кодируемая с помощью одной клаузы (возможно, содержащей несколько предикатных ядер). Согласно М. Фортестью, в рамках сколь угодно сложной полисинтетической словоформы может быть «упаковано» не более одного макрособытия. Данная гипотеза представляется вполне осмысленной и могла бы претендовать на статус универсального

ограничения на соотношение между семантической и морфологической структурами, если бы к ней не было ряда исключений. Наиболее очевидное из них — так называемая «морфологически связанная комплементация» [Maisak 2016; Панова 2018], т. е. конструкции, в которых матричный предикат объединяется в одну словоформу с вершиной своего синтаксического актанта без слияния соответствующих клауз, как в примере (9) из абазинского языка. Предложение (9a) показывает, что два предиката в составе сложного глагола имеют каждый свою собственную темпоральную локализацию, следовательно, по определению, выражают отдельные макрособытия, а пример (9b) демонстрирует, что двухчастный показатель отрицания оформляет такой сложный глагол как единое целое (подробнее о свойствах этой конструкции см. [Панова, в печати]).

(9) АБАЗИНСКИЙ

a. *sara jaeə* [*wara waχ'ça χabajz wə-c-əw-š*]-*z-s-š'-əw-n*
я вчера [ты сегодня Хабез 2SG.M.ABS-идти-IPF-FUT]-PVB-1SG.IO-казаться-IPF-PST
'Я вчера думал, что ты сегодня пойдешь в Хабез'. [Панова, в печати: пример (35)]

b. [*awəj d-g'-sa-j*]-*zə-s-š'-əw-m*
[DIST 3SG.N.ABS-NEG.EMP-DIR-идти]-PVB-1SG.IO-казаться-IPF-NEG
'Я не думаю, что он пришел'. [Панова, в печати: пример (20a)]

Более того, сходные конструкции отмечены и в ряде неполисинтетических языков, в частности, в агульском, арчинском и яки, ср. пример (10):

агульский [Maisak 2016: 836]

(10) *zun jača* [*gada.ji naq' dars ruχ.u-naj*]-*čuk'a-s-e*
я(ERG) сегодня [мальчик(ERG) вчера урок читать.PFV-PRF]-VERIF.IPF-INF-COP
'Я проверю сегодня, выучил ли мальчик вчера урок'.

Таким образом, даже способность (систематически или в качестве исключения) выражать в составе одной глагольной словоформы более одного макрособытия не могла бы считаться признаком (радикального) полисинтетизма.

Важнейшая проблема, в которую в конечном итоге упираются почти все вопросы, связанные с полисинтетизмом, — проблема определения и выделения слова, имеющая как синтагматические, так и парадигматические аспекты (об этом см., в частности, [Haspelmath 2011; Алпатов 2018] в синтагматическом плане и [Spencer 2013] в парадигматическом). Проблема полисинтетической словоформы с точки зрения различных грамматических и фонологических критериев рассматривается в статье Б. Бикеля и Ф. Суньиги ("The 'word' in polysynthetic languages") на материале языков мапуче (= мапудунгун, изолят, Чили) и чинтанг (сино-тибетские, Непал). В обоих случаях авторы, отказываясь от априорного выделения «слова» как отдельного и «привилегированного» уровня синтагматических единиц, изучают целые группы свойств различных морфем и цепочек, в которые они объединяются, и вместо ответа на вопрос «какими свойствами обладают словоформы в языке X?» ищут ответ на вопрос «какие цепочки морфем в языке X обладают теми или иными релевантными свойствами?» (к последним относятся такие грамматические признаки, как способность к самостоятельному употреблению, (не)разрывность, переместимость, способность подчинять модификаторы, строгая упорядоченность и т. п., и такие фонологические признаки, как единство ударения или тона, фонотактические ограничения, сандхи, сингармонизм и т. п.). Детальный анализ данных двух языков, экспертами по которым являются авторы, показывает, что в них обоих наблюдаются множественные несоответствия между цепочками, ведущими себя как единое целое по тем или иным критериям. Так, в мапуче цепочка, которую по синтагматическим критериям можно считать «словоформой», может содержать до трех отдельных областей приписывания ударения; в чинтанге критерий неразрывности и переместимости выделяет довольно обширную область, внутри которой имеется несколько подцепочек, различающихся с точки зрения

правил упорядочивания морфем и одновременно создающих отдельные области применения определенных сандхи. Таким образом, полисинтетическое «слово», если вообще имеет смысл говорить о нем как о едином понятии, демонстрирует разные степени синтагматической связности в разных своих частях, причем разные критерии как правило выделяют связные цепочки морфем неединообразно. Строго говоря, данный факт хорошо известен и для непалисинтетических языков, однако применительно к языкам с чрезвычайно сложными цепочками морфем эти проблемы стоят особенно остро (см. об этом также [Tallman et al. 2018]). В связи с этим можно посоветовать на то, что далеко не все авторы описательных глав книги приводят эксплицитные критерии, с помощью которых они определяют границы словоформ.

Парадигматический аспект полисинтетического слова, т. е. вопрос о границах лексем и противопоставлении «словоизменения» и «словообразования», несмотря на свою очевидную нетривиальность применительно к языкам с богатой семантически насыщенной морфологией, в энциклопедии, как мне кажется, рассматривается недостаточно. Так, введенное в работе [de Reuse 2009] понятие продуктивной несловоизменяющей морфологии (productive noninflectional concatenation, PNC), отличающейся как от канонического словоизменения (парадигматически организованного и связанного с синтаксисом), так и от канонического словообразования (подверженного разного рода ограничениям и лексикализации), и, по гипотезе В. де Рёйзе, особенно развитого в полисинтетических языках, на страницах книги упоминается лишь в двух дескриптивных главах. Напротив, многие авторы используют понятие «деривации» (derivation) в противопоставлении «словоизменению» (inflection), не предлагая никаких четких критериев их противопоставления и не задаваясь вопросом о том, образуют ли те или иные продуктивные и семантически композиционные «дериваты» новую лексему. Собственно лексикологические аспекты полисинтетической морфологии рассматриваются (в основном на эскимосском материале — показательном, но все же весьма специфическом) в статье Л.-Ж. Дорэ (“The lexicon in polysynthetic languages”). Анализируя лексикографическую практику, в том числе носителей языка, случаи лексикализации морфологически сложных единиц и морфологические неологизмы, автор приходит к выводу о субъективности понимания слова как единицы словаря — словом оказывается та единица (неважно, простая или сложная, композиционная или лексикализованная), которую сами носители языка склонны считать семантически или прагматической базовой (с. 152). Такой вывод, законный с точки зрения антропологического подхода, не кажется вполне удовлетворительным методологически и теоретически. Более интересно, как кажется, было бы изучить степень лексикализованности сложных морфологических единиц (в том числе с точки зрения частотности) и семантические, прагматические и морфологические факторы, способствующие лексикализации, как в конкретных языках, так и типологически. Лексикализация и фразеологизация полисинтетических комплексов (преимущественно на материале атабаскского языка навахо) обсуждается также в статье С. Райс (“Phraseology in polysynthetic languages”). Вывод автора о фразеологичности как одном из основных свойств полисинтетизма, возможно, с оговорками справедлив для навахо, однако явно требует уточнения применительно ко многим другим языкам, обсуждаемым в книге. В целом, комплекс проблем, связанных с организацией лексикона в полисинтетических языках, требует в будущем более глубокой теоретической и типологической проработки (в этой связи см. один из разделов статьи [Kortjevskaja-Tamm, Veselinova, in print]).

Полисинтетизм как наиболее наглядное и предельное проявление языковой сложности обсуждается в двух главах первой части книги. Если Э. Даль в статье “Polysynthesis and complexity” обсуждает полисинтетизм с точки зрения различных аспектов языковой сложности и ее квантитативной оценки, то П. Традгил в статье “The anthropological setting of polysynthesis” обращается к параметрам социолингвистических ситуаций, в которых полисинтетизм возникает, сохраняется или исчезает. С одной стороны, в той мере, в какой те или иные аспекты полисинтетизма представляют собою сложность (как объективную,

так и в первую очередь для усвоения носителем), сохранение таких морфологических структур преимущественно возможно в компактных сообществах с небольшой (в идеале, нулевой) долей тех, кто выучил данный язык во взрослом возрасте и, тем самым, практически неизбежно в несовершенном и упрощенном виде. Напротив, в ситуации асимметричного языкового контакта с языками иной структуры полисинтетические языки подвержены обеднению и упрощению. С другой стороны, возрастанию степени синтетизма, т. е. тенденции к морфологической «упаковке» информации, как пишет Традгил, способствуют малый размер языкового сообщества с тесными социальными связями и большим объемом общих знаний носителей. В свою очередь, фонологическая фузия и морфологическая нерегулярность требуют для своего возникновения длительных периодов стабильного развития сообщества в условиях относительной изоляции. Развивая идеи, высказанные в книге [Trudgill 2011], Традгил пишет, что постепенное нарастание морфологической сложности — естественный процесс, происходящий с языком, если его «оставить в покое» (с. 201)⁹, тем самым при подходящих условиях за длительное (исчисляемое тысячелетиями) время в принципе любой язык может стать полисинтетическим, — и одновременно что язык может избавиться от практически любого уровня морфологической сложности в ситуации интенсивного контакта определенного типа (там же)¹⁰. Коль скоро такого рода «социолингвистические катастрофы» случались в далеком прошлом гипотетически существенно реже, чем в Новое и Новейшее время, во-первых, можно полагать, что полисинтетические языки в более ранние эпохи были распространены шире и, во-вторых, в свете того, что большая часть известных ныне полисинтетических языков находятся под угрозой, если они исчезнут, подходящих социальных условий для возникновения новых языков такого типа может уже не сложиться.

Второй раздел книги (“Areal perspectives”) включает шесть обзорных глав об основных ареалах распространения полисинтетических языков. Четыре из них, что вполне закономерно, посвящены Новому Свету. В статье М. Фортескью “Polysynthesis in the Arctic/Sub-Arctic” рассматриваются основные черты чукотско-камчатской, эскимосско-алеутской и атабаскской семей (почему-то без какого-либо учета русскоязычных источников), а М. Митун в статье “Polysynthesis in North America” обсуждает структурные признаки различных полисинтетических языков Северной Америки; сходным образом построена и статья А. Ю. Айхенвальд “Polysynthetic structures in Lowland Amazonia”, где вдобавок также приводятся данные о возникновении полисинтетических структур в условиях языковых контактов. Статья К. Джэйни “The Northern Hokan area” описывает некоторые аспекты грамматики языков компактного ареала в северной Калифорнии; как представляется, часть этого материала с тем же успехом можно было включить в статью М. Митун, а часть, касающаяся местоимений и кодирования грамматических отношений, вообще не имеет прямого отношения к полисинтетизму.

Две другие главы раздела посвящены Австралии и Новой Гвинее. Н. Эванс в статье “Polysynthesis in Northern Australia” описывает полисинтетические черты в трех языковых семьях Северной Австралии, приводя также данные о некоторых признаках, которые эти языки разделяют со своими соседями, и подробно обсуждая различные механизмы возникновения полисинтетических структур. К сожалению, эта статья оказалась не очень хорошо вычитана, в частности, непонятны примеры (8) и (9) на с. 324. Статья У. Фоли “Polysynthesis in New Guinea” интересна в первую очередь эксплицитным сопоставлением полисинтетических и непалисинтетических языков, характеризующихся теми или иными общими признаками, однако читать эту главу трудно из-за отсутствия деления на разделы. Также можно пожалеть, что в статьях М. Митун, А. Ю. Айхенвальд и У. Фоли не приводятся карты.

⁹ “Linguistic complexification seems in an important sense to be more ‘normal’ than simplification. It is what quite naturally happens if languages are ‘left alone’”.

¹⁰ “But a language can very rapidly become more analytic again (...) if it is subject to high contact conditions of the right sort and to the right degree”.

Третий раздел книги “The diachronic perspective” содержит четыре статьи, из которых я остановлюсь на двух, имеющих более общий характер и связанных с социолингвистической проблематикой. П. Баккер и Х. ван дер Ворт в главе “Polysynthesis and language contact” обсуждают различные явления, происходящие с полисинтетическими языками в условиях контактов, — в первую очередь и неслучайно, процессы упрощения, такие как *foreigner talk* и пиджинизация. Во всех этих случаях происходит радикальная утрата морфологии и переход к неизменяемым лексемам и аналитическим конструкциям. Рассматриваются также заимствования — лексические (отмечается, что если имена полисинтетические языки заимствуют так же, как неполисинтетические, то заимствование глаголов предсказуемым образом сильно затруднено) и морфологические, о которых авторы заключают, что трансфер моделей существенно более частотен, чем целых морфем (наблюдение, верное, видимо, вне зависимости от полисинтетизма). Глава Е. А. Груздевой и Н. Б. Вахтина “Language obsolescence in polysynthetic languages” посвящена явлениям, происходящим в полисинтетических языках в весьма распространенной, к сожалению, ситуации языковой смерти. Эти процессы также можно описать как упрощение, однако менее радикальное, чем в случае пиджинизации. Авторы отмечают, что несловоизменяемая морфология утрачивается раньше словоизменяемой, а из последней стабильнее всего оказываются местоименные аффиксы. В языках с порядковой морфологией сокращается число активно используемых позиций, а инкорпорация становится непродуктивной и заменяется аналитическими конструкциями; упрощаются также морфонология и алломорфия. С другой стороны, встречаются и ситуации возрастания сложности за счет компенсаторных процессов, например, образования сложных глаголов. Авторы заключают на первый взгляд парадоксальным выводом о том, что упрощение и конвергенция, происходящие с полисинтетическим языком, способствуют его более длительному сохранению в условиях контакта с доминантным языком.

Чрезвычайный интерес представляет четвертый раздел книги (“Acquisition”), содержащий три статьи об усвоении полисинтетических языков — теме, с одной стороны, первостепенной важности, а с другой, — лишь недавно получившей свою долю внимания со стороны исследователей. В немалой степени это объясняется тем, что полисинтетических языков, активно усваиваемых детьми, в мире осталось не так много и изучение их усвоения с помощью стандартных методик либо невозможно, либо сопряжено с трудностями и затратами. (Здесь стоит отметить, что важная часть таких языков, а именно, западнокавказские, представлены в нашей стране, и изучение их усвоения детьми — насущная задача.) В книге представлены результаты долгосрочных исследований по языкам трех регионов — инуитских в Канаде, изучение усвоения которых началось еще в 1980-е годы (Ш. Аллен, “Polysynthesis in the acquisition of Inuit languages”), языка муринпата в Северной Австралии (У. Форшо с соавторами, “The acquisition of Murrinhpatha”) и сино-тибетского языка чинтанг (З. Штоль, Е. Мазара и Б. Бикель, “The acquisition of polysynthetic verb forms in Chintang”). Особенно ценно то, что каждый из рассматриваемых языков обладает непохожими на другие особенностями морфологии, что позволяет сделать более широкие выводы. Так, практически неограниченная и по большей части продуктивная и семантически композиционная суффиксация эскимосских языков, как выясняется, весьма рано начинает активно использоваться детьми, о чем свидетельствуют примеры вроде (11), рожденного ребенком в возрасте двух лет и пяти месяцев.

(11) инуктитут (с. 468)

nasa-liur-tau-nngi-tunga

шляпа-делать-PASS-NEG-PAR.1SG

‘для меня не делают шляпу’

Этот факт весьма примечателен в свете того, что морфология более аналитических языков вроде английского, казалось бы, не представляющая никаких особенных трудностей, усваивается детьми позже (с. 470). Возможно, как пишет Ш. Аллен, ссылаясь на работу

[Parkinson 1999], «чем сложнее морфология языка, тем раньше она усваивается» (с. 471)¹¹. Этому, однако, как кажется, противоречат данные других языков. В языке муринпата, как и во многих языках Северной Австралии, глагольные формы состоят из двух частей, которые можно условно назвать лексической и классифицирующей (*classifier*), причем классифицирующие компоненты обладают нетривиальным и по большей части нерегулярным словоизменением. Морфологию глаголов-классификаторов в муринпата дети усваивают позже в сравнении с продуктивной суффиксацией в инуктитуте, и то же касается организованных согласно порядковому шаблону полиморфемных глагольных форм. Встречающиеся в речи детей муринпата ошибки во многом похожи на ошибки, совершаемые детьми, усваивающими такие языки, как русский или английский, — в частности, регуляризация форм по аналогии. Наконец, исследование усвоения глагольной морфологии языка чинтанг в статье З. Штоль с соавторами проводилось в сопоставлении с аналогичными данными для английского языка и, будучи основано на обширном корпусе записей, носит преимущественно количественный характер. Разительное различие между двумя языками состоит в том, что в силу сложности глагольной морфологии число разных, в частности уникальных, глагольных форм, которые слышит ребенок, усваивающий чинтанг, на порядок превышает аналогичное в английском (это, разумеется, верно и для других полисинтетических языков). Результаты З. Штоль с соавторами в целом согласуются с выводами Ш. Аллен на материале инуктитута: сталкиваясь со сложной, но в целом регулярной морфологией, дети как бы настраиваются на ее раннее усвоение и достигают в этом значительных успехов. В то же время, как показано на материале языка муринпата, морфологическая нерегулярность может оказаться значимой помехой на этом пути.

Наиболее обширная пятая часть энциклопедии содержит грамматические очерки двадцати полисинтетических языков из разных частей света, написанные с особым вниманием к полисинтетическим чертам. Не имея возможности остановиться ни на одном из них сколько-нибудь подробно, лишь перечислю их. Северная Америка: западный апаче (атабаскские, В. де Рёйзе), центрально-аляскинский юпик (эскимосские, Э. Вудбури), инну (алгонкинские, Л. Драпо), каддо (семья каддо, У. Чейф), нуучахнульт (= нутка, вакашские, Т. Накаяма), слиаммон (сэлишские, О. Ватанабэ); Центральная Америка: науатль (юто-ацтекские, У. Кангер), пурепеча (= тараско, изолят, К. Шаморо); Южная Америка: мапуче (= мапудунгун, изолят, Ф. Суньига), тариана (аравакские, А. Ю. Айхенвальд), лаконде (намбикварские, С. Теллес и Л. Вецельс); Австралия: далабон (Н. Эванс), языки региона Дэйли-Ривер (Р. Нордлингер); Новая Гвинея: йимас (У. Фоли); Северная Азия: корякский (М. Курэбито), нивхский (И. Маттиссен), айнский (А. Бугаева), кетский (Э. Вайда); Южная Азия: сора (мунда, Г. Андерсон); Кавказ: адыгейский (Ю. А. Ландер, Я. Г. Тестелец). Книга завершается общим списком литературы объемом почти 70 страниц и указателем.

Давать общую оценку энциклопедическому изданию такого рода непросто. Выше уже довольно подробно обсуждались проблемы теоретического и методологического свойства, связанные с определением самого понятия «полисинтетизм» и проведением границ множества «полисинтетических языков». В рецензируемой книге эти проблемы были скорее обнажены, чем разрешены, и это можно было бы считать недостатком, если бы проблемы не вытекали из сложности и многообразия самой предметной области, определенное единство которой, при всех оговорках, тем не менее, было продемонстрировано. И редакторы, и большая часть авторов сборника отдают себе отчет в том, что полисинтетизм — понятие многомерное и градуальное, а полисинтетические языки, даже объединяясь по ряду признаков, демонстрируют значительное типологическое варьирование. Тем не менее, наличие определенных корреляций (разумеется, не абсолютных) между полисинтетизмом и другими признаками языков, как структурными, так и, что немаловажно,

¹¹ “[T]here appears to be a principle whereby the more complex the morphological system of a language, the earlier it will be learned”.

социолингвистическими, не позволяет согласиться с М. Хаспельматом, который в своей обстоятельной рецензии [Haspelmath 2018] призывает вовсе отказаться от термина «полисинтетизм». Разумеется, вряд ли разумно искать языковые универсалии вида «во всех полисинтетических языках имеет место X» или «с вероятностью большей, чем случайная, если в языке есть X, то он полисинтетический», однако содержательные вопросы лингвистической типологии и теории языка не сводятся ни к поиску универсалий, ни к как можно более строгому определению всех релевантных понятий. В этом смысле исследования, опирающиеся на многофакторный подход и позволяющие, с одной стороны, дробно классифицировать структурные свойства языков и выявлять тонкие сходства и различия между ними и, с другой стороны, обнаруживать неизвестные ранее корреляции и вполне осмысленными применительно к языкам, обсуждаемым в энциклопедии полисинтетизма.

Рецензируемая книга представляет собою значительную научную ценность, во-первых, разнообразием представленных в ней оригинальных подходов и точек зрения (пусть и не всегда полностью убедительных и не всегда согласованных между собой), и, во-вторых, богатством обсуждаемого эмпирического материала. Как уже было сказано, большую часть объема энциклопедии занимают обзоры языковых ареалов и грамматические очерки отдельных языков, которые сохранят свою ценность вне зависимости от того, выдержит ли проверку временем само понятие «полисинтетизм». Столь же значим и обсуждавшийся выше раздел об усвоении полисинтетических языков, и остается лишь надеяться, что исследования в этом направлении будут продолжены и распространены на новые языки. С другой стороны, можно посотовать на то, что теоретические главы энциклопедии лишь в небольшой степени учитывают все богатство эмпирических данных, представленное на ее страницах. В главах первого, основного раздела книги сколько-нибудь подробно фигурирует лишь небольшое число языков (причем с явным перекосом в сторону эскимосских). Так, например, особенно близкие рецензенту западнокавказские языки обсуждаются лишь в главе Дж. Николз, причем без учета статьи Ю. А. Ландера и Я. Г. Тестельца об адыгейском. Правда, в написанном редакторами тома введении дается обзор структурных признаков всех языков из пятого раздела книги (с. 10–14). Более полный учет значительного разнообразия языков позволил бы как уточнить некоторые утверждения (так, например, в статье П. Традгила могло бы быть упомянуто, что по числу говорящих западнокавказские языки составляют исключение среди полисинтетических языков) и параметры типологии, так и сформулировать новые теоретические вопросы.

Редактирование энциклопедического издания такого объема и сложности — весьма сложная и вряд ли благодарная задача, но я все же отмечу ряд редакторских недочетов в дополнение к тем, что уже упоминались выше. Весьма неудачно, что при многочисленных языковых примерах, особенно в статьях, обсуждающих разные языки, нет эксплицитного указания на язык; такие указания приходится искать в тексте статьи, что не всегда приводит к однозначному успеху. Некоторые главы книги (№№ 11, 15, 16, 18, 19, 26, 36) следовало лучше вычитать — если отдельные опечатки в английском тексте неизбежны, то в примерах ошибки, нарушенное форматирование или неверные отсылки подчас существенно осложняют понимание. В главе 28 таблицы, к которым отсылает пассаж на с. 592, почемучто помещены на с. 586. В некоторых случаях авторы, очевидно, по ошибке, делают утверждения, для понимания которых необходимо менять местами их части; так, на с. 520 В. де Рёйзе утверждает, что особенностью атабаскских языков является то, что для них “неверно, что словоизменятельные префиксы располагаются ближе к корню, а деривационные дальше от корня”¹² (должно быть наоборот), а на с. 624 О. Ватанабэ говорит, что в сэлишских языках клитики отличаются от аффиксов тем, что «первые

¹² “it is emphatically not the case that the inflectional prefixes occur closest to the stem and that the derivational prefixes occur farthest from the stem”.

находятся внутри слова, а вторые вне его»¹³ (верно наоборот). Статья У. Фоли о языке йимас не содержит списка сокращений и не делится ни на какие разделы. Пример (49) на с. 963 с реципроком от адыгейского глагола ‘ждать’ непоказателен, поскольку, вопреки тому, что написано в тексте, этот глагол исходно непереходный.

Подождоживая, хочу подчеркнуть, что «Оксфордская энциклопедия полисинтетизма» является незаменимым компендиумом сведений о не всегда хорошо известных языках, собранием интересных точек зрения на множество проблем типологии и теории языка и, что важнее всего, источником большого числа новых теоретических, методологических и эмпирических вопросов, разрешение и сама формулировка которых без учета фактов и мнений, содержащихся в этой книге, вряд ли были бы возможны. Последнее слово о полисинтетизме, вопреки уже упоминавшейся рецензии М. Хаспельмата, по моему мнению, еще далеко не сказано.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABS — абсолютив	IPF — имперфектив
AOR — аорист	ITER — итератив
APPL — аппликатив	M — мужской род
ASS — ассертив	MOD — модальный показатель
BEN — бенефактив	N — неличный класс
CAUS — каузатив	NEG — отрицание
CF — центробежность	NFIN — нефинитность
CNT — континуатив	OBJ — объект
COP — связка	OBL — косвенный падеж
DAT — датив	PA — активное причастие
DEF — определенность	PAR — причастие
DIR — директивный показатель	PASS — пассив
DIST — дистантное указательное местоимений	PFV — перфектив
DO — прямой объект	PL — множественное число
DU — двойственное число	PRF — перфект
EMP — эмфаза	PRS — настоящее время
ERG — эргатив	PST — прошедшее время
F — женский род	PVB — преверб
FUT — будущее время	RFL — рефлексив
H — личный класс	SBD — показатель подчинения
HAB — хабитуалис	SVJ — субъект
IND — индикатив	SG — единственное число
INF — инфинитив	SUF — суффикс
INTS — интенсив	TR — переходность
IO — непрямой объект	VERIF — верификатив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алпатов 2018 — Алпатов В. М. *Слово и части речи*. М.: Языки славянских культур, 2018. [Alpatov V. M. *Slovo i chasti rechi* [Word and parts of speech]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2018.]
- Ландер 2011 — Ландер Ю. А. Подходы к полисинтетизму. *Московский лингвистический журнал*, 2011, 13 (= *Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание»*, № 11(73)): 102–126. [Lander Yu. A. Approaches to polysynthesis. *Moskovskii lingvsticheskii zhurnal*, 2011, 13: 102–126.]

¹³ “I discuss the need and means to distinguish clitics from affixes (...); the former is inside the word domain and the latter outside”.

- Ландер 2015 — Ландер Ю. А. Актанты и сирконстанты в морфологии и синтаксисе адыгейского языка. *Московский лингвистический журнал*, 2015, 17/1 (= *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*): 7–31. [Lander Yu. A. Arguments and adjuncts in Adyghe morphology and syntax. *Moskovskii lingvistsicheskii zhurnal*, 2015, 17/1: 7–31.]
- Панова 2018 — Панова А. Б. Две клаузы в одном слове: предварительная типология морфологически связанной комплементации. *Типология морфосинтаксических параметров*, 2018, 1/2: 84–99. [Panova A. B. Two clauses in a single word: Preliminary typology of morphologically bound complementation. *Typology of Morphosyntactic Parameters*, 2018, 1/2: 84–99.]
- Панова, в печати — Панова А. Б. Морфологически связанная комплементация в абазинском языке. *Вопросы языкознания*, в печати. [Panova A. B. Morphologically bound complementation in Abaza. *Voprosy Jazykoznanija*, in print.]
- Татевосов 2013 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и ее следствия (заметки о физиологии русского глагола). *Вопросы языкознания*, 2013, 3: 42–89. [Tatevosov S. G. Polyprefixation and its consequences (Notes on the physiology of the Russian verb). *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 3: 42–89.]
- Baker 1996 — Baker M. C. *The polysynthesis parameter*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
- Bohnmeyer et al. 2011 — Bohnmeyer J., Enfield N. J., Essegbey J., Kita S. The macro-event property. *Event representation in language and cognition*. Bohnmeyer J., Pederson E. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011, 43–67.
- Bohnmeyer, Van Valin 2017 — Bohnmeyer J., Van Valin R. D., Jr. The macro-event property and the layered structure of the clause. *Studies in Language*, 2017, 41(1): 142–197.
- Charitonidis 2008 — Charitonidis Ch. Polysynthetic tendencies in Modern Greek. *Linguistik Online*, 2008, 34(2). URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/525/878>.
- Coon et al. (eds.) 2017 — Coon J., Massam D., Travis L. D. (eds.). *The Oxford handbook of ergativity*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
- de Reuse 2009 — de Reuse W. Polysynthesis as a typological feature. An attempt at a characterization from Eskimo and Athabaskan perspectives. *Variations on polysynthesis: The Eskaleut languages*. Mahieu M.-A., Tersis N. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009, 19–34.
- Dunn 1999 — Dunn M. J. *A grammar of Chukchi*. Ph.D. diss. Australian National Univ., 1999.
- Duponceau 1819 — Duponceau P.-E. Report of the corresponding secretary to the committee, of his progress in the investigation committed to him of the general character and forms of the languages of the American Indians. II. *Transactions of the Historical and Literary Committee of the American Philosophical Society*, 1819, 1: XVII–XLVI.
- Haspelmath 2011 — Haspelmath M. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. *Folia Linguistica*, 2011, 45(1): 31–80.
- Haspelmath 2018 — Haspelmath M. The last word on polysynthesis: A review article. *Linguistic Typology*, 2018, 22(2): 307–326.
- Koptjevskaja-Tamm, Veselinova, in print — Koptjevskaja-Tamm M., Veselinova L. Lexical typology and morphology. *Oxford Research Encyclopedia of Morphology*, in print.
- Lander 2016 — Lander Yu. Adyghe. *Word-formation. An international handbook of the languages of Europe*. Vol. 5. Müller P. O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer Fr. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2016, 3508–3526.
- Lunt 1952 — Lunt H. G. *Grammar of the Macedonian literary language*. Skopje, 1952.
- Maisak 2016 — Maisak T. Morphological fusion without syntactic fusion: The case of the “verificative” in Agul. *Linguistics*, 2016, 54(4): 815–870.
- Malchukov, Spencer (eds.) 2009 — Malchukov A., Spencer A. (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.
- Marlo 2015 — Marlo M. R. On the number of object prefixes in Bantu languages. *Journal of African Languages and Linguistics*, 2015, 26(1): 1–65.
- Mattissen 2003 — Mattissen J. *Dependent-head synthesis in Nivkh. A contribution to a typology of polysynthesis*. Amsterdam: John Benjamins, 2003.
- Miyaoka 2012 — Miyaoka O. *A grammar of Central Alaskan Yupik (CAY)*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012.
- Nau, Arkadiev 2015 — Nau N., Arkadiev P. Towards a standard of glossing Baltic languages — The Sals Glossing Rules. *Baltic Linguistics*, 2015, 6: 195–241.
- Nichols 1986 — Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar. *Language*, 1986, 1(62): 56–119.
- Pacchiarotti 2017 — Pacchiarotti S. *Bantu applicative construction types involving *-id: Form, functions and diachrony*. Ph.D. diss. Univ. of Oregon, 2017.

- Parkinson 1999 — Parkinson D. P. *The interaction of syntax and morphology in the acquisition of noun incorporation in Inuktitut*. Ph.D. diss. Cornell Univ., 1999.
- Siewierska 2005 — Siewierska A. Verbal person marking. *World Atlas of Language Structures*. Dryer M., Haspelmath M., Gil D., Comrie B. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, 414–417.
- Spencer 2013 — Spencer A. *Lexical relatedness. A paradigm-based model*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Tallman et al. 2018 — Tallman A. J. R., Wylie D., Adell E., Bermudez N., Camacho-Rios G., Epps P., Everdell M., Gutierrez A., Juarez Chr., Woodbury A. C. Constituency and the morphology-syntax divide in the languages of the Americas: Towards a distributional typology. Presentation from the *21st Annual Workshop on the Indigenous Languages of the Americas*, Santa Barbara, 20–21 April 2018. URL: <https://www.academia.edu/36459863/>.
- Talmy 2000 — Talmy L. A typology of event integration. *Towards a cognitive semantics*. Vol. 2. Talmy L. Cambridge (MA): MIT Press, 2000, 213–288.
- Trudgill 2011 — Trudgill P. *Sociolinguistic typology. Social determinants of linguistic complexity*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Underrinner 2002 — Underrinner J. L. *Intonation and syntax in Klamath*. Doctoral diss. Univ. of Oregon, 2002.

Получено / received 24.06.2019

Принято / accepted 17.09.2019